

Иногда в голову приходили мысли, похожие на «сжечь лодку».

Если бы я показал картину Цинъяну, как бы он отреагировал?

Был бы он удивлен или настроен скептически?

Он должен быть в состоянии понять, что это портрет меня от него, в конце концов, его стиль был очень своеобразным.

Он потратил много времени на эту картину, и каждый маленький штрих был наполнен душой. Хотя картина была в основном синей, едва заметные изменения света и цвета все же позволили ярко передать детали черт лица. Было бы трудно создать такой портрет, не глядя на мое лицо днем и ночью.

В прошлом это было доказательством его любви ко мне.

Я считал это сокровищем и с нетерпением ждал, как будет выглядеть новый портрет после того, как он будет улучшен и окрашен солнечным светом.

Теперь, похоже, такой возможности не было.

Это была всего лишь мысль.

Я бы не позволил, ни за что на свете не позволил ему увидеть это.

Фэйфэй иногда заходил.

Только тогда я узнал, что Фэйфэй оказался младшим братом доктора Му, семейного врачом Цинъяня, с которым я однажды встречался. Он учился в медицинском университете в этом городе по специальности «сестринское дело» и время от времени работал ассистентом доктора Му.

Цинъянь рассказал, что перед тем, как очнуться, он почувствовал очень приятный запах феромонов. Первое, что он увидел, когда открыл глаза, был младший брат доктора Му, Му Фэй, который пришел вытереть ему лицо и поработать ассистентом.

Хотя он потерял память, он был особенно близок с Му Фэем, даже больше, чем с матерью и доктором Му.

Так уж получилось, что Му Фэй был омегой, поэтому доктор... Му и мать Цзи до сих пор молча мирились с их близостью.

Вот и все.

Мне вдруг пришло в голову, что в биологии существует поведение, называемое импринтингом, запечатлением, которое похоже на то, как животные воспринимают первое движущееся существо, которое они видят, как своих родителей, когда они рождаются, или они естественным образом становятся близкими и проникаются к ним симпатией.

Потеряв память, Цинъянь полюбил Му Фэя и заботился о нем. В дополнение к влиянию феромонов, у него также было желание использовать Му Фэя как опору и поддержку, когда он впервые проснулся.

Это было нормально, не так ли?

Я часто прятался в своей комнате, когда приходил Фэйфэй.

Цзи Цинъянь всегда радостно говорил мне:

— Гуань И, Фэйфэй здесь.

Или, когда я возвращался с работы, Цинъянь высовывал голову из своей комнаты или, может быть, из кабинета и говорил мне:

— Фэйфэй тоже здесь.

Мои шаги всегда непроизвольно останавливались, и я возвращался в свою комнату.

Я всегда здоровался с Фэйфэй, что было вежливо и не требовало беседы.

Хотя это все еще было очень грубо, я действительно боялся, что не смогу контролировать выражение своего лица, хотя теперь я достаточно подготовился и полностью смирился с тем фактом, что они теперь пара, а Цинъянь уже не тот Цинъянь, что раньше.

Просто...

*

— Тебе не нравится Фэйфэй? — озадаченно спросил меня однажды Цинъянь.

— Это неправда, просто я считаю, что альфам и омегам нужно держаться на расстоянии, чтобы не попасть в беду. — легко объяснил я.

Цинъянь вздохнул с облегчением и рассмеялся:

— Все в порядке, я всегда здесь, когда он приходит. — затем он шагнул вперед, похлопал меня по плечу и сказал. — Гуань И, тебе тоже следует найти партнера. Иначе я бы чувствовал себя неловко.

Я сделал большой шаг назад, как будто меня ударило током.

Рука Цинъяня застыла на месте, и он повернулся, чтобы посмотреть на меня в замешательстве.

Я заставил себя улыбнуться, но знал, что это, должно быть, выглядело фальшиво.

— У меня все еще есть дела, требующие внимания, я сначала вернусь в свою комнату.

Не обращая внимания на выражение лица Цинъянь, я убежал обратно в комнату.

Как только дверь закрылась, я прислонился к ней и прикрыл ладонью свое бешено бьющееся сердце.

...Я боюсь любого его прикосновения.

Сумасшедшие, абсурдные и даже декадентские пять лет, которые мы провели вместе, заставили меня почувствовать, что мое тело больше не было нормальным телом альфы.

Все мое тело горело от него, и по сей день я все еще мечтал воссоединиться с ним, даже если это всего лишь простое объятие.

Но мое сердце все еще было холодным.

Из-за его невинной и яркой улыбки, а также его жестоких и безжалостных слов.

*

...Это просто так.

Я все еще не мог отпустить его.

*

Цинъянь, казалось, втайне догадывался о моем смущении и старался не приводить Фэйфэй домой в качестве гостя. Я начал сожалеть о том, что слишком явно проявлял свои эмоции, поэтому просто снова погрузился в работу, работая сверхурочно все дольше и дольше.

Иногда я заходил в кабинет, чтобы взглянуть на портрет Фэйфэй, который он писал. Его стиль живописи не изменился. На этот раз он использовал очень яркий желтый цвет, чтобы нарисовать своего возлюбленного. Лицо Фэйфэй, казалось, таяло в теплых солнечных лучах, и зритель ощущал его тепло, как весенний ветерок.

— Это действительно красиво. — я сделал искренний комплимент и, словно совершая членовредительство, крепко сжал свои руки, спрятанные по бокам. Мои ногти впились в кожу, вызывая ощущение покалывания.

Цинъянь застенчиво улыбнулся:

— Спасибо, я впервые пишу портрет. Надеюсь, Фэйфэйю он понравится.

Я на мгновение испугался и рассмеялся вместе с ним.

— Ему понравится.

*

За день до дня рождения Фэйфэй Цинъянь аккуратно вставил свою картину маслом в рамку, накрыл доску для рисования огромной красной тканью и сказал, что подождет, пока Фэйфэй лично не увидит свой подарок.

Я также разумно объяснил ему, что у меня есть дела на следующий день, и я не вернусь.

Цинъянь очень нервничал, его уши покраснели, как у застенчивого большого мальчика.

Позже я узнал, что Цинъянь еще не пометил Му Фэя. Похоже, что семья Му была семьей врачей, которые придавали большое значение знакам отличия. Отношения между ними и по сей день оставались очень простыми, но это также свидетельствовало о том, что Цинъянь больше дорожил Му Фэем.

Я опустил глаза, не смея взглянуть на него, и поспешно убежал.